

А. И. Суворина

<ВОСПОМИНАНИЯ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ>

*(Подготовка текста С. А. Кибальника и Б. Н. Тихомирова,
комментарий Б. Н. Тихомирова)*

Автор публикуемых воспоминаний – Анна Ивановна Суворина (урожд. Орфанова, 1858–23.03.1936), вторая жена Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912) – журналиста, театрального критика, драматурга, издателя газ. «Новое время» (с 1876 по 1912 г.). После 1917 г. в эмиграции. Умерла в крайней нужде в парижском госпитале Божон; похоронена на кладбище в Нейи на средства, собранные русскими эмигрантами по подписке.*

Воспоминания, судя по ряду признаков, писались не ранее конца XIX–начала XX в.** Во время описываемых событий (1880–1881 гг.) мемуаристка была еще молодой, двадцатидвухлетней женщиной. Ко времени написания мемуаров ей уже за сорок. Вспоминая о событиях двадцатилетней (если не более) давности, А. И. Суворина не всегда точна в деталях, но очень выразительно передает свое давнее, трепетное отношение к Достоевскому и общую атмосферу литературной жизни минувшей эпохи.

Текст печатается по автографу (Суворина Анна Ивановна. <Воспоминания о Ф. М. Достоевском.> Б. д. Три тетради. 50 лл. (8 чистых) // РО ИРЛИ. Р. I, оп. 6, ед. хр. 85). В публикации сохраняется ряд грамматических и пунктуационных особенностей мемуаристки.

Ранее воспоминания А. И. Сувориной были опубликованы с существенными пропусками.*** Пропущенные места в настоящей пуб-

* См.: Незабывтые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2006. Т. 6, кн. 2. С. 241.

** См. точные наблюдения Н. М. Перлиной в преамбуле к публикации фрагментов мемуаров А. И. Сувориной в изд.: Достоевский и его время: [Сб. статей]. Л., 1971. С. 296).

*** Перлина Н. М. Достоевский в воспоминаниях А. И. Сувориной // Там же. С. 295–304.

ликация приводятся курсивом. В остальном тексте очерка сделаны некоторые уточнения. Фрагмент со слов: «На одном из наших драматических спектаклей ~ Викт. Пет. Буренин играл генерала Вышеславского» – также был опубликован с небольшим пропуском.****

Я была еще нездорова, после родов,¹ лежала в постели с моим новорожденным сыном, как меня пришла навестить жена нашего главного сотрудника С. А. Буренина.^{II} Расспросив о подробностях и налюбовавшись еще совсем красненьким новорожденным, она начала рассказывать мне и моей акушерке, какая масса народу была у Достоевского... Я не особенно обратила внимание на эти слова, думая, что, очевидно, у Ф<едора> М<ихайловича> какое-нибудь торжество, юбилей или что-нибудь в этом роде, но, когда она заявила, что процессия была на Невском, а конец ее был у Владим<ирской> Церкви,^{III} я удивленно переспросила, почему это так? Она в свою очередь удивленно посмотрела и сказала, что ведь сегодня же похороны Ф<едора> М<ихайловича>.^{IV} //

Я страшно встревожилась. Мне было ужасно, что я не смогла быть у Ф<едора> М<ихайловича> в этот день, я начала волноваться¹ и упрекать, зачем от меня это скрыли.² V К вечеру у меня повысилась температура и начался какой-то потрясающий озноб, так что пришлось просить К. Ф. Славянского.^{VI} Я всё твердила, что опасюсь³ за маленького, что я виновата перед Ф<едором> М<ихайловичем> и страшно боюсь наказания... Были приняты все меры и, слава Богу, молодость и здоровая натура пересилила температуру, и я оправилась, пролежав вместо традиционных девяти дней – двадцать дней.

Чтобы объяснить, почему смерть Ф<едора> М<ихайловича> произвела на меня такое сильное и неожиданное впечатление и почему решили мои близкие скрыть от меня смерть и⁴ день похорон его, я должна // рассказать, что⁵ я с мужем была в Москве на торжестве открытия памятника Пушкина на Страстном бульваре.^{VII}

**** Мостовская Н. Н. Достоевский в дневниках С. И. Смирновой (Сазоновой) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 277 (примеч. 20).

¹ Далее было начато: так что

² и упрекать, зачем от меня это скрыли *приписано на полях.*

³ Было: что боюсь

⁴ смерть и *вписано.*

⁵ После слова что *оставлено пустое место, по-видимому – для даты.*

Это было грандиозное торжество, по обстановке, энтузиазму и блеску не поддающееся описанию, да и не мне его и описывать; я только хочу вспомнить главенствующую роль здесь Ф<едора>М<ихайловича> и почему мне так больно было⁶ узнать о его смерти.

Торжество открытия памятника началось с торжественной заупокойной обедни в Страстном Успенском монастыре.^{VIII} Съезд, по билетам, конечно, начался к 10-ти часам...^{IX} Для родных Пушкина,^X для депутатов и⁷ литераторов была отведена середина собора, и я, конечно, будучи женою литератора, и⁸ Ф<едора>М<ихайлович>, должны были тоже стоять за решеткой, но меня // всегда стесняли все эти решетки для избранных, а в Церкви особенно это противно, и я уговорила распорядителя оставить меня на свободе, а чтобы нам не потеряться после, т<ак> к<ак> на площади были приготовлены места, я к <окончанию> панихиды пройду к мужу за решетку.

Встала я совсем позади, народу было еще не очень много, и мне удалось стать⁹ очень хорошо, около окна и напротив громадного Образа Царицы Небесной, – не помню какой только!^{XI} А я ужасно любила и люблю большие образа; на маленьком образе я не могу так сосредоточиться; вообще меня дразнили, что я язычница... Может быть! Ну, наконец¹⁰ Собор начал наполняться избранными, Боже мой, уж // и действительно «избранные»! Цвет литературы, журналы, искусства!

Все ждали особенно, кажется, внуков или сына¹¹ Пушкина, и я, конечно, ждала найти хоть маленькую, отдаленную тень «бессмертного поэта» – но страшно разочаровалась: прошел пожилой, несколько южного типа небольшого роста генерал – и только!^{XII} Вызывало каждый раз волнение, когда проходили такие большие люди – светочи, как¹² А. Н. Островский, А. Ф. Писемский в каком-то старом балахоне и в калошах, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, да разве можно припомнить всех! Всё самое лучшее, известное – все тут были. Началась литургия.^{XIII} Запели певчие, было два хора Синодальный и жен-

⁶ было вписано.

⁷ и вписано.

⁸ Далее было начато: близко знакомых

⁹ Было: встать

¹⁰ Было начато: началось

¹¹ Было: или внука

¹² как вписано.

ский хор монашенок здешнего монастыря. Говорят, что Пушкин очень любил этот монастырь.

Как всегда, наша чудная служба¹³ // меня захватывала и трогала до слез, а тут это дивное пение, переливавшееся с одного клироса на другой,¹⁴ соперничали между собой в исполнении. Мне казалось, что само небо открылось и слушало их чистые, как хрусталь, голоса. Против меня было изображение Царицы Небесной, лампы, свет, – всё это меня так трогало, умиляло и восхищало, что я совсем унеслась куда-то с Пушкиным и молилась за него со слезами... *Вдруг почему-то совершенно неожиданно¹⁵ я пришла в себя, и я охнула на себя: да что я такое? да за кого я молюсь? За какого «болярина Александра» кладу земные поклоны?¹⁶ ведь это Пушкин! это бессмертный поэт, Господь Бог избрал его и дал ему Гений на радость нам! // и миру, а ты, ничтожная какая-то песчинка, – и ты смеешь молиться за него! Ты просто смешна и жалка, это не то что какой-то «грешный раб Божий Александр», а это гениальный поэт. Господь увенчал его славою при жизни еще, да разве Бог дает простому грешнику такой талант! Опомнись, это просто пошло выходит! Это всё мне говорил какой-то внутренний голос быстро-быстро, и, помню, я вскочила с колен. Я иначе и не умею как-то стоя молиться, всегда меня тянет упасть на колени. Я вскочила,¹⁷ как ошпаренная, и, вероятно, покраснела, т<ак> к<ак> чувствовала себя ужасно скверно, поняла ясно свою дурацкую сентиментальность, и совершенно ясно стало, что я не только смешна, но и не смею молиться за Пушкина. Вскочила, сделала // равнодушно-холодное лицо, чтобы люди заметили, и стала рассматривать Собор, публику, и ясно показала на своем лице, что я и не думала молить Бога за Пушкина... Оглядывая холодным взглядом Образ, я опять увидела перед собою Лик Бож<ьей> Мат<ери> и нежно к ней прильнувшего Божественного Младенца. Меня опять ударило что-то в сердце, и мысль вдруг ясно пришла в голову, что, хотя он, Пушкин, и гениальный, но грешный. Какой-то другой голос мне напомнил, что все грехи Господь простит, кроме хулы на Духа Святого,^{XIV} и вдруг, как молния, пронеслась в голове¹⁸ мысль, что*

¹³ Далее было: всегда

¹⁴ Далее было: казалось

¹⁵ Далее было: для себя

¹⁶ Далее было: Опомнись, милая, –

¹⁷ Я вскочила вписано.

¹⁸ Было: в сердце

Пушкин написал нечто ужасное, непростительную вещь, которую я, конечно, не читала, но о которой я знала... Ужас сковал мне сердце.¹⁹ // Я сразу упала опять на колени, забыла, что²⁰ я смешна или кто-нибудь увидит меня. Я уверена была, что Божия Матерь его простит, ведь его грех касался лично Ее,^{XV} что, если мы можем простить, то Она, по своей небесной доброте, Сама простит и замолит Сына Своего простить грешного раба Александра, и я действительно, под влиянием ли удивительного пения <нрзб.> концерта, всё стояла на коленях и смотрела на Образ... Вдруг я чувствую легкое прикосновение к моему левому плечу. Я чуть-чуть оглянулась, думая, что, как обычно, передают свечу к образу. Смотрю – пустая рука. Взглянула вверх, – о ужас! – вижу Фед<ор>Мих<айлович>, как всегда, с блестящими проникновенными глазами смотрит мне в глаза и шепчет: «У меня к вам большая просьба». Я помню, как только его увидела, вскочила с колен и хорошенько не могла еще оправиться, как он говорит: «Обещайте только ее исполнить!» И повел меня в притвор. Я ломала себе голову: какая может быть просьба у Достоевского ко мне, тогда еще совсем, совсем молодой женщине, и решила²¹, пока пробиралась с ним к выходу: наверное, он²² попросит подвезти его в экипаже, и старалась²³ сообразить, как нам будет усесться втроем. «Обещаете?» – настаивал он. Я, успокоившись, что как-нибудь усядемся, говорю с улыбкой, // что, конечно, с удовольствием исполню, что он хочет. Он взял мою руку,²⁴ крепко сжал в своей и сказал: «Так вот что! Если я умру, вы будете на моих похоронах и будете за меня так молиться, как вы молились за Пушкина! Я всё время наблюдал за вами, будете? обещаете?»

Боже мой! Я думала, что лучше мне бы умереть, чем это слышать! Мне казалось, что я попала в каком-то позорном поступке.

¹⁹ *Далее было:* Я представила себе его... мальчиком в избалованной среде таких же мальчишек, под влиянием всех этих старых грешников Вольтеров и комп. Эта ребяческая удаля броситься вниз со скалы, не узнавши, нет ли там подводного камня... [я как-то] все у меня как-то, помню, смешалось, ища как бы ответ, и, к счастью, глаза мои встретили взор Царицы Небесной, крепко прижимающей к себе Младенца Иисуса.

²⁰ что *вписано*.

²¹ *Далее было:* молча[?]

²² он *вписано*.

²³ *Было:* и [2 нрзб.]

²⁴ *Далее было:* и

Ведь я думала,²⁵ что, кроме меня и Бога, никто не знал и не видал меня... Я страшно сконфузилась, начала бормотать, что я и не думала молиться, где, мол, // такой ничтожной молиться о таких людях, как Пушкин... Он перебил меня сурово: «Вы обещаете?» Я пролепетала, что обещаю, и он сразу переменялся и повел меня за решетку, т<ак> к<ак> началась панихида. Я так была сбита, что называется, с панталыка, что стояла совершенно каменной²⁶ на панихиде и²⁷ только и думала, что я попала в чем-то нехорошем... После Церкви все пошли на площадь к памятнику и началось торжество открытия холста с фигуры Пушкина.^{XVI} Были орации, речи, но это всё прошло у меня как бы в тумане. Ф<едор> М<ихайлович> мне всё испортил^{28 29}. Дома, каюсь, я всем рассказала о своем позоре, о просьбе Ф<едора> М<ихайловича> и о своем обете. – *Теперь понятно будет мое // волнение, когда я узнала о смерти Ф<едора>М<ихайловича>, и страх, что он может меня наказать за неисполнение своего обета, а чем меня наказать? И мне казалось, что ничем иным, как смертью моего крошки, через которого я не могла быть с ним в этот день!*

Надо мной смеялись, опять называли меня язычницей, – но всё равно я очень долго была расстроена и, действительно, когда сыночка заболел, я всё приписывала своей молитве о Пушкине. Когда я выздоровела, я отслужила панихиду на³⁰ могиле Ф<едора> М<ихайловича> в Н<евской> Лавре и молилась, как могла, но это было не то уже, а какой-то точно долг. Потом, конечно, это прошло, и я часто, часто поминала и поминую в своих поминаниях раба Божьего Феодора.

На другой день было торжественное собрание, посвященное памяти Пушкина, в зале Московского дворянского собрания.^{XVII} Зал был переполнен избранною публикою. В первом ряду были места для родственников Пушкина. Я сидела во втором ряду и жадно глядела

²⁵ *Первоначально было:* Мне казалось снова таким позором мое поведение, как бы я сравнила: [что] если ты думаешь, что ты совершенно, совершенно один, скрывая ото всех свой какой-нибудь физический недостаток, думаешь, что двери закрыты, окна спущены, ты раздеваешься, – и вдруг оказывается, тут же был чужой человек и вся твоя тайна обнаружена. Так и мне, мне в те минуты казалось

²⁶ *Было:* окаменевшей

²⁷ *Далее было:* совершенно не помню

²⁸ *На полях к слову испортил записан вариант:* смутил

²⁹ *Дале было начато:* Теперь понятно, почему

³⁰ *Далее было начато:* его

и слушала всех наших знаменитостей. Я удивляюсь, как некоторые из них, будучи такими знаменитыми людьми, конфузились и волновались, как обыкновенные смертные. Напр<имер>, Ал<ександр> Ник<олаевич> Островский, такой исключительный чтец, страшно волновался и нервничал; Ал<ексей> Феоф<илактович> Писемский – тот прямо дрожал и так растерялся, что, несмотря на то³¹ что для его чтения «Капитанской дочки» были приготовлены стол и стул, начал читать // стоя и книга дрожала в его руках, пока наконец он не успо<ко>ился и не сел на приготовленное для него место. А он³² тоже славился своим необыкновенно мастерским чтением. Наконец, на сцену вышел сам Ив<ан> Серг<еевич> Тургенев, приехавший специально для этих торжеств домой в Россию.^{XVIII} Буря аплодисментов раздавалась, при появлении³³ его долго кричали и хлопали, долго Тургенев стоял и не мог начать от волнения³⁴ декламировать. Наконец зал успокоился, и Тургенев прочел наизусть «Пророка»; всё-таки от охватившего волнения он было³⁵ запнулся перед концом, и Ал<ексей> Сергеевич³⁶, сидевший в первом ряду, подсказал ему.^{XIX} Описать те овации и крики восторга и удивительно доброе и счастливое лицо Тургенева я не могу. Это был полный триумф его. // Еще бы, Тургенев! Сам! Кто не читал и не перечитывал его романы, кто не страдал вместе с Лизой, Еленой, кто не плакал над умирающим Базаровым...³⁷ А когда Лиза увидела в монастыре Лаврецкого и прошла мимо его «торопливо-робкою монашеской поступью»,^{XX} кому не хотелось тоже пойти в монастырь! Кто не перечитывал в сотый раз свидания в часовне Елены с Инсаровым?.. И вдруг видеть и слышать самого героя, самого автора... Зал был наэлектризован, // и думалось, что дальше восторгам уже идти некуда... Но вот появился на сцену Ф. М. Достоевский с горящими глазами и всегда³⁸ проникновенным взором... Опять аплодисменты, опять крики, и Тургенев, сидевший тогда после

³¹ на то *вписано*.

³² он *вписано*.

³³ *Было*: при виде

³⁴ *Далее было начато*: произнести

³⁵ было *вписано*.

³⁶ *Далее было начато*: ему

³⁷ *Далее было*: Помню, как я, прочитав смерть Базарова, в Гурзуфе, на берегу моря, рыдала, а около меня сидела наша собака и удивленно смотрела на меня, а мне так хотелось высказать свое горе кому-нибудь. Я гладила его и говорила: «Трезорюшка! Базаров умер...»

³⁸ всегда *вписано*.

своего выступления в первом ряду, хлопал горячо. Достоевский прочел ряд стихов Пушкина^{XXI} и снова воспламенил толпу, особенно когда³⁹ он сказал, что Пушкин нам дал светлый образ «Татьяны», а за нею идет чистый облик «Лизы»... Надо сказать, что Достоевский удивительно читал и вообще говорил вдохновенно и страшно действовал на слушателей, а при словах «Татьяны» и затем «Лизы» как-то вскрикнул,^{XXII} что ли, я не умею передать его тон,⁴⁰ но зал как бы вздрогнул, начались неистовые аплодисменты, кричали Достоевского, Тургенева... //

И Тургенева вытащили на сцену. Достоевский протянул ему руку, и они поцеловались... Восторги публики я не могу изобразить при этой трогательной сцене, когда два таких огромных писателя-учителя помирились! Мне объяснили тогда, что они были во враждебных лагерях. Тургенев был представителем западного течения, а Достоевский был сторонником славянофильства и самобытности, и вдруг два таких гениальных врага помирились и поцеловались! Долго опять зал не мог успокоиться. Под конец Достоевский прочел, как только он умел читать, «Медведицу»,^{XXIII} и так прочел, так говорил за медведицу, она так горячо и неистово защищала своих малых детушек-медвежатшек от мужика, что я чуть-чуть не расплакалась, – так мне было жаль медведицу. //

Окончилось чтение, все кинулись к выходу, к артистической комнате, навстречу Достоевскому, и тут произошло совершенно еще невиданное и неожиданное зрелище. Когда только вышел Достоевский, к нему буквально бросились толпою⁴¹ девушки и вообще⁴² молодежь, некоторые прямо падали на колени перед ним,⁴³ целовали ему руки; я такие сцены видела только после, с От<цом> Иоанном Кронштадтским, когда толпа буквально несла его.^{XXIV} Наконец, несколько освободившись от восторженной толпы, он, поравнявшись с мужем и пожимая ему руку, отвечал⁴⁴ на приветствия Ал<ексея> Сергеевича, шепнув ему: «А, каково? наша взяла!» Алек<сей> Серг<еевич> передавал это с восторгами, т<ак> к<ак> сам был всегда националистом и русским до глубины души. Я этого совершенно не

³⁹ Было: а когда

⁴⁰ его тон *вписано*.

⁴¹ толпою *вписано на полях*.

⁴² и вообще *вписано*.

⁴³ перед ним *вписано*.

⁴⁴ отвечал *вписано*.

понимала и удивлялась, что даже у таких громадных людей бывают слабости и⁴⁵ такое тщеславие, но мой муж объяснил, что это вовсе не тщеславие, а торжество их взглядов, их идей! Торжество закончилось апофеозом Достоевского и всё перед ним побледнело! Такова в нем была сила слова!

Через день мы завтракали вместе с Ф<едором> М<ихайловичем> у Тестова,^{XXV} ели расстегаи. Завтрак был интимный, была всё своя компания.⁴⁶ Я была одна дама и сидела в середине стола и по правую руку мою кавалером моим⁴⁷ был Ф<едор> М<ихайлович>. Нас было немного:⁴⁸ я с мужем, Островский, Григорович, Максимов С. В., Горбунов и Берг Н. В.^{XXVI} Завтрак шел оживленно. Конечно, разговоры шли о литературе и о политике. Вдруг Ф<едор> М<ихайлович> обратился ко мне с вопросом: как нравится мне Диккенс? Я со стыдом ему сказала, что я // не читала его⁴⁹. Он удивился и замолчал. Разговор всё шел у остальных свой. Опять совершенно неожиданно Ф<едор> М<ихайлович> громко сказал: «Господа, между нами есть счастливейший из смертных!» Я с удивлением обвела глазами всю нашу компанию. Всё это были люди довольно пожилые и особенного счастья я не видела в их лицах. После небольшого молчания Достоевский сказал: «Моя соседка Анна Ивановна». Я перепугалась от неожиданности... «Да, да! Она! Господа, счастливая Ан<на> Ив<ановна> еще не читала Диккенса, и ей, счастливнице, предстоит еще это⁵⁰ счастье! Ах, как я бы хотел быть на ее месте! И снова прочесть «Давида Копперфильда»^{XXVII} и всего Диккенса!» Я ему объяснила, почему, читая // так много, не читала Диккенса; что я пробовала, но не могла прочесть, т<ак> к<ак> положительно не могу читать ни страданий детей, ни животных, а мой кум, Ив<ан> Фед<орович> Горбунов,^{XXVIII} прибавил, что я только люблю страдания любовников, «и что пуще – то лучше! Любовникам разрешено давиться, топиться, – что угодно! – а детей не смей трогать!». Все смеялись, а когда я сказала ему, что, слушая его Медведицу, я чуть не расплакалась, – так жаль мне было ее, и так бы я хотела, чтобы она исполнила свою угрозу и съела бы мужика, Достоевский рассмеялся и сказал: «Это очень интересно, но

⁴⁵ слабости и *вписано*.

⁴⁶ *Было*: Завтрак был интимный, своя компания всё

⁴⁷ *Было*: по правую руку кавалером же моим

⁴⁸ *Было*: Нас было небольшое число

⁴⁹ его *вписано*.

⁵⁰ *Было*: это еще

всё-таки Вы должны прочесть Диккенса. Когда я очень устал и чувствую нелады с собою, // никто меня так не успокаивает и не радует, как этот мировой писатель!» Я обещалась прочесть.

Больше в Москве я не видела Ф<едора> М<ихайловича>, и он скоро уехал домой в Петербург.

В Петербурге у нас были еженедельные собрания по воскресеньям. Приезжали к чаю, к 9-ти часам, к ужину. К 12 приезжали обыкновенно из театра и артисты. Обычными посетителями были Ив<ан> Фед<орович> Горбунов, мой⁵¹ кум и крестный отец моего сына, Арди, В<ладимир> Н<иколаевич> Давыдов, Свободин[?], Сазонов, Стрепотова,^{XXIX} из оперы Ив<ан> Алекс<еевич> Мельников, Лавровская, Леонова^{XXX} и многие другие. Из художников близкими⁵² были Ив<ан> Н<иколаевич> Крамской^{XXXI} и К<онстантин> Е<горович> Маковский.^{XXXII} Всё это были интересные люди, и разговоры, речи текли без умолку. Тут и политика, и литература всех оживляла и сближала. Любил посе//щать наши воскресенья и Ф<едор> М<ихайлович>, часто оставался ужинать, чтобы послушать за ужином незабвенного и незаменимого моего дорогого кума Ив<ана>Фед<оровича> Горбунова... Особенно любил Ф<едор> М<ихайлович> слушать речи Генерала Дитятин^{XXXIII} и смеялся, как ребенок, да и весь стол помирал от смеха, т<ак> ч<то> генерал Дитятин долго мрачно смотрел и ждал, когда закончится этот неуместный хохот! Такого изобразителя не было и не будет.

После ужина бывали сценки, напр<имер>: цыганские пляски, пение,⁵³ уличные музыканты, но это не то, что теперь. Ив<ан> Фед<орович> изображал музыканта-шарманщика, а Арди – певицу, с предупред<ени>ем, что это петербургский двор-«колодезь» пятиэтажного дома. И начинал пение: «Под вечер осени ненастной пустынным дева шла местам и тайный // плод любви несчастной держала трепетным рукам». ^{XXXIV} При этом они⁵⁴ глядели всё время вокруг и вверх, – не открыта ли форточка, и когда она⁵⁵ открывалась и падал

⁵¹ мой *вписано*.

⁵² Было: очень близкими

⁵³ цыганские пляски, пение *вписано на полях*.

⁵⁴ они *вписано*.

⁵⁵ она *вписано*.

завернутый в бумажку пятак, Арди⁵⁶ бросался на него, как ястреб бросается на добычу. Всё это Арди проделывал страшно смешно и верно и вызывал хохот. Смеялся и Ф<едор> М<ихайлович>, но до сих помню его лицо; то он смеялся, то мрачно, серьезно,⁵⁷ скорей проникновенно смотрел, как бы видя воочию эту несчастную деву, и этот, с самого рождения, несчастный плод любви. Ведь он всегда смотрел особенно. Взгляд его был пронизателен, и казалось, что он всё видит насквозь и читает душу. Но удивительно странно он действовал на меня! Я понимала, что это удивительный писатель, что это наша слава. Всё это я понимала, // но сама этого оценить в полноте⁵⁸ не могла, т<ак> к<ак> совершенно не могла его читать. Прочла⁵⁹, по приказу Д. В. Григоровича, его⁶⁰ «Неточку Незванову», – понравилось, но не особенно, прочла «Преступление и наказание», страшно подействовавшее на меня, но не переживанием души Раскольниковва,⁶¹ а просто страхом за него⁶², чтобы он не выдал себя, когда он, несчастный, был под наблюдением сыщика. Тут тонкий анализ Достоевского исчезал для меня, и Раскольников был для меня только затравленным зверем. Остальные его романы тогда вовсе не могла одолеть; прямо моя натура не могла их переварить и я не могла их понять.

Своеобразные герои Достоевского были чужды мне. Моя совершенно здоровая и нормальная натура и уравновешенная психика, чуждая // всякой мистике, мешала мне понять героев Достоевского⁶³. Я любила всё ясное и определенное: любовь так любовь, ненависть так ненависть, а тут у него всё так запутано... Герои казались мне все какими-то нездоровыми или ненормальными, и, будучи сама здоровой и нормальной, судя о других по себе и прилагая их действия к себе, я совершенно запутывалась, как в лесу, с ними, и не могла понять и разделять с ними их жизнь. Я бежала из этого густого и мрачного леса на ясные поляны к Тургеневу, Толстому, Гончарову, где мне всё было естественно, просто и близко сердцу.

⁵⁶ Арди *втисано*.

⁵⁷ серьезно *втисано*.

⁵⁸ в полноте *втисано*.

⁵⁹ *Дале было начато*: его

⁶⁰ его *втисано*.

⁶¹ *Дале было начато*: и [нрзб.]

⁶² *На полях записан и зачеркнут вариант*: Раскольниковва

⁶³ *Было*: понять их

Это, может быть, я пишу себе обвинение. Достоевский признан всем миром, но я, почитая его память как великого // мыслителя, не фальшивя перед самой собою, не могу сказать иначе. Очевидно, такой тонкий анализ, такой глубокий не мог быть оценен таким простым и обыкновенным человеком, каким была я.

Помню еще Ф. М. Достоевского и Ивана Сергеевича Тургенева, читавших в одном из собраний,^{XXXV} и помню успех их обоих⁶⁴ и любовь к ним публики, но и тут Достоевский одержал верх! Тургенев прочел «Стучит» и потом прочел с М. Г. Савиной сцену из «Провинциалки»,^{XXXVI} где М<ария> Г<авриловна> прямо неподражаема, разыгрывает эту роль, точно плетет тончайшее кружево. Видала и других артистов в этой роли, но и // близкого ничего нет. Помню, как Савина вывела И. С. Тургенева на сцену. Тургенев очень сначала конфузился, и Савина его всё подбодряла сначала, потом он, очевидно, попал под влияние очаровательной провинциалки, и они оба заражали друг друга, и публика была очарована этим исполнением. Тургенев читал графа Любина.⁶⁵ Это был незабвенный дуэт! Вызовам и восторгам не было конца. Выходили на вызовы вместе, и всё время Савина выводила своего великого партнера. Под конец ей удалось вырвать свою руку из руки Тургенева, отбежать от него несколько и самой горячо аплодировать своему любимому автору. // Конечно, аплодисментам и восторженным крикам не было конца, и опять казалось, что дальше идти некуда изъявлению восторга! Но – показался Достоевский! Опять всё заколыхалось, опять толпа как-то наэлектризовалась и с затаенным вниманием слушала его чтение.

Он читал главу из «Братьев Карамазовых» – «Исповедь горячего сердца»,^{XXXVII} здесь Митя рассказывает своему брату, как пришла к нему, после больших колебаний⁶⁶ Екатор<ина> Ивановн<а> просить денег, чтобы спасти ее отца.⁶⁷ // Заключительные слова этой сцены,

⁶⁴ Первоначально было: их обоих успех

⁶⁵ Любина вписано позднее на оставленное свободное место.

⁶⁶ после больших колебаний вписано.

⁶⁷ Далее было: а) и когда получила от него /деньги/, Достоевский тут взволнованным, каким-то патетическим проникновенным голосом вскричал б) т<ак> к<ак> Митя потребовал, чтобы она сама пришла к нему за деньгами. Я не буду описывать всю эту сцену, она всем известна, но в // но в конце этой главы, после того как Митя преодолел свои мучительные искушения, просто дал их ей и открыл дверь, предоставив ей уйти

где Екат<ерина> Ив<ановна> потрясена великодушием Мити, в чтении Достоевского произвели потрясающее впечатление.⁶⁸ «Она⁶⁹ вся вздрогнула, посмотрела пристально, страшно побледнела, ну как скатерть, и тоже ни слова не говоря, не с порывом, а мягко так, глубоко, тихо склонилась вся и прямо в ноги, лбом до земли, не поинститутски... по-русски!<>»^{XXXVIII} И вот эти-то последние фразы – в ноги... по-русски! Последние слова⁷⁰ Достоевский не прочел, а проникновенным, каким-то восторженным возгласом крикнул.⁷¹ Зал мгновенно, с оглушительным «браво», весь встал,⁷² и казалось, что, если бы не мешали стулья, так же истово, в ноги, по-русски поклонился бы ему, как Екат<ерина> Ив<ановна>, до земли.

Долго крики восторга не смолкали и долго Ф<едор> М<ихайло-вич> стоял пред восторженной толпой тяжело дыша, как бы сам пережил терзания своих героев.

Такова сила его таланта! //

На одном из наших домашних спектаклей^{XXXIX} присутствовал и Фед<ор>Мих<айлович> Достоевский.^{XL} Играли Островского «Доходное место». Тогда эта пьеса имела громадный успех, роль либерального Жадова находила отклик у молодого поколения, всегда имела успех и была благодарнейшая роль для актера. Ставил пьесу у нас большой наш приятель Ник<олай> Фед<орович> Сазонов, Жадова играл Н. Пл. Карабчевский^{XLI} – красавец и знаменитый адвокат, очень талантливый актер и покоритель дамских сердец. И это была одна из его лучших ролей! Жену его, глупенькую, но милую Полинку, или Полину, играла я, мою мать, т. е. тещу, титаж, Жадова играла жена Ив<ана> Ник<олаевича> Крамского С. Н. Крамская.^{XLII} // Сестру мою Юленьку играла дочь моего мужа, моя belle-fille А. Ал. Колмнина^{XLIII} и Викт<ор> Петр<ович> Буренин играл роль генерала Вышневекого.^{XLIV}

Вся пьеса держится на Жадове. Он дает тон всей пьесе. Затем идут роли Полины и матери. Со всеми нами, кроме, конечно, Жодо-

⁶⁸ Фраза: Заключительные слова ~ потрясающее впечатление. – вписана.

⁶⁹ Позднее далее было вписано и зачеркнуто два неразобранных слова.

⁷⁰ Последние слова приписано на полях.

⁷¹ Первоначально было: Достоевский таким проникновенным, таким каким-то восторженным возгласом крикнул, что

⁷² Было: весь вскочил

ва—Карабчевского, проходил Сазонов. Я никогда никого в этой роли не видела, и хотя я была бесстрашная и готова была играть, не читая даже пьесы, любую роль, хотя бы Леди Макбет, и начать спектакль пляской и пением Простушки и воспитанной,^{XLV} — но в этот раз я очень боялась, главное, боялась подвести Жадова, т<ак> к<ак> почти что лучшие его места все с «Полиной». На репетиции он // не вполне играл, я читала свою роль по указаниям режиссера. Одна Крамская играла на репетиции, и мне ужасно нравился ее тон. На генеральной репетиции было довольно много народу, но подъему не было, и я совершенно потерялась, тем более что слыхала со сцены голос Н<иколая> Петр<овича> Вагнера^{XLVI} про меня, что я очень мила, — что-то в этом роде, а муж сказал, что, по его мнению, «она (т. е. я) как-то очень легкомысленно играет». Услыхав это, я еще больше потерялась, ценя ужасно строгое, взыскательное, беспощадное, но искреннее всегда и верное мнение Ал<ексея> Сергеевича. Я решила, что завтра буду играть, т. е. стараться играть Полину серьезнее, и была совершенно какой-то потерянной. Жадов был недоволен мною. //

Я смертельно боялась и с наслаждением бы отказалась, но это было невозможно уже. На спектакле была масса приглашенных, и когда я посмотрела в отверстие занавеса, то меня прямо сковал ужас. Первое лицо, что я увидела, это было лицо Достоевского, беседующего с Григоровичем. Потом⁷³ Я. П. Полонского в первом ряду из-за своих длинных костылей,^{XLVII} Н. С. Лескова, Вагнера, ах! да много из наших обычных приятелей и посетителей наших воскресений, но Ф<едор> М<ихайлович> меня прямо подкосил! Я кинулась к Н. Ф. Сазонову, гримировавшему кого-то из наших, и говорю, что я не могу играть, что умру, умираю, а он совершенно спокойно выводил какие-то тени на лице актера,⁷⁴ говорит: //

«Только, дорогая, не здесь, а на сцене... Там я не отвечаю...» Я взглянула на себя в зеркало и ахнула: там в голубеньком открытом платьице была не провинциальная Полинька, а какая-то трагическая маска. Сазонов просто расхохотался и прибавил, что прямо хоть сейчас трагедию ставь и гримировать не надо. Потом сжалился, страстно ласково-любовно клялся мне, что буду мило играть и буду иметь успех, а я твердила, что если бы только⁷⁵ не Достоевский!

⁷³ Потом вписано.

⁷⁴ актера вписано.

⁷⁵ только вписано.

Мне совестно перед ним наивничать, да и всех, сколько я помню, смутила моя весть о прибытии Достоевского, но всё равно раздался звонок, взвилась занавесь, // и надо было идти «умирать»!

Но странная вещь! Когда я очутилась⁷⁶ на сцене, когда я поняла, что спасения мне нет, я твердо решила играть, как только могу веселее и живей, чтобы только не быть деревянной – умру, но сыграю! Слова Вагнера и Ал<ексея> Сергеевич <a> исчезли из головы. Я всегда восхищалась на игру Крамской, эта ее упрямая, ничему не поддающаяся пошлость воззрений и взглядов на жизнь в сравнении с благородством, может быть, немножко и надуманным, Жадова, восхищала меня, и я твердо решила быть достойной дочкою своей маменьки.

И действительно приводила в ярость бедного моего мужа⁷⁷. Несмотря на его благороднейшие речи и⁷⁸ монологи, я⁷⁹ упрямо повторяла: «А маменька говорит, что ты можешь это // сделать!.. Маменька лучше нашего с тобой знает!» После этих сценок я несколько раз слышала тихо «браво! браво!», но я совершенно не понимала, за что? и кому? И неслась по течению. Несколько раз смеялись после моих наивных поучений мужу, мне даже самой было жаль Карабчевского–Жадова, когда эта милая, глупенькая, но в сущности добрая⁸⁰ Полинька доводила его до гнева.

Но всё хорошо, что⁸¹ хорошо кончается, и мы наконец окончили под аплодисменты наше представление, выходим все, конечно, вместе за руки. В один из вызовов вижу – Достоевский сбегается к // нам по лестнице из зрительного зала на сцену, по этой лестнице то взбирался, то спускался наш режиссер, мы, конечно, были польщены его к нам визитом. Поздоровавшись⁸² со всеми, он подошел ко мне, смотрит как всегда как-то строго и серьезно говорит: «вы мне очень⁸³ понравились,⁸⁴ у вас настоящий драматический талант... Вы должны работать и изучать эстетику». Потом, обращаясь к мужу,

⁷⁶ Было: Когда очутишься

⁷⁷ Дальше было начато: что

⁷⁸ и вписано.

⁷⁹ я вписано.

⁸⁰ Было: в сущности хорошая

⁸¹ Было начато: кончается хоро<шо>

⁸² Было начато: со сцен

⁸³ Было: больше других

⁸⁴ Далее было начато: вы

говорит: «А<лексей>Сер<геевич>, настаите, заставьте вашу жену заняться серьезно драматическим искусством!» Ал<ексей>Сер<геевич> на это ответил, что я такая лентяйка, каких еще свет не производил. // И после за⁸⁵ каждой нашей встрече <й> с Ф<едором>М<ихайловичем>⁸⁶ он всегда меня спрашивал: «Ну что? занимаетесь эстетикой?» Я очень конфузилась всегда и не могла дать желанного ответа.

Помню еще о Фед<оре>Мих<айловиче> рассказ мужа, только что вернувшегося от Достоевского под сильным тяжелым впечатлением. Он застал Фед<ора>Мих<айловича> только что после жесточайшего, как он назвал, припадка.^{XLVIII} Он еще даже лежал на своем кожаном диване, всё еще потрясенный и не отдохнувший, с потным лбом, лихорадочными глазами и совсем еще слабою речью. Муж был⁸⁷ взволнован его видом и не мог решиться заговорить с ним. Ф<едор>М<ихайлович> сам начал рассказывать, как это ужасно, как он упал и что, слава Богу, не расшибся. // Муж участливо расспрашивал о возможности принимать какие-либо меры для предупреждения несчастного падения⁸⁸ и не заметил ли Ф<едор>М<ихайлович> каких-нибудь признаков, предчувствий приближения припадка?.. «Нет, – отвечал Ф<едор>М<ихайлович>, – разве только мне на мгновение показалось, что вот там, в углу, – и он показал рукою на противоположный угол комнаты, – вот там сгустился какой-то мрак... и я упал...»

Этот рассказ, помню, произвел самое ужасное, тяжелое впечатление на всех нас.

Примечания

¹ Сын А. С. и А. И. Сувориных Григорий родился 25 янв. 1881 г. (скончался 1 авг. 1885 г.) (см.: Саитов В. И. Петербургский некрополь / Изд. Вел. кн. Николай Михайлович: В 4 т. СПб., 1913. Т. 4. С. 194).

^{II} Буренина Софья Андреевна (ум. после 1917) – детская писательница и переводчица драматических произведений, выступавшая в печати под псевдонимом С. Ренина, жена Виктора Петровича Буренина, многолетнего сотрудника газ. «Новое время».

⁸⁵ после за вписано.

⁸⁶ с Ф. М. вписано.

⁸⁷ Далее было: сам

⁸⁸ Первоначально было: падения несчастного

^{III} ...процессия была на Невском, а конец ее у Владим<ирской> Ц<еркви>. – «Перед выносом (гроба из дома в Кузнечном переулке. – Б. Т.), когда все участники процессии заняли свои места, голова кортежа была уже на углу Невского проспекта и Владимирской улицы», – писал обозреватель «Всемирной иллюстрации» (1881. 14 февр. (№ 631). С. 127). «Редко видел я более торжественное зрелище как сегодняшней вынос тела Федора Михайловича, – записал в дневнике А. А. Киреев. – Все участвовали, даже такие люди, как Краевский, Мартынов и т. п. Злейшие враги Достоевского и его направления не считают возможным проявить свою радость» (Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 538).

^{IV} Перенос гроба Достоевского из квартиры в Кузнечном переулке в Александроневскую лавру состоялся 31 янв. 1881 г., а погребение на лаврском Тихвинском кладбище – 1 февр. (в течение ночи гроб стоял в Свято-Духовской церкви, где собравшиеся поочередно читали над телом усопшего Псалтирь). Не вполне ясно, в какой из этих двух дней происходит разговор Бурениной и Сувориной. Из первых строк воспоминаний складывается впечатление, что Буренина рассказывает мемуаристке о событиях *сегодняшнего дня*. В таком случае она ошибочно утверждает, что похороны «сегодня». Если же разговор происходит 1 февраля, то, рассказывая об огромной траурной процессии, Буренина описывает *вчерашние события*.

^V А. С. Суворин был одним из первых, кто узнал о кончине Достоевского. В некрологическом очерке «О покойном», напечатанном в день похорон писателя, 1 февр. 1881 г., в «Новом времени» (№ 1771), Суворин рассказал, как вечером 28 янв., когда он возвратился домой из Александринского театра, домашние уже в передней встретили его известием, что умер Достоевский, и он бросился в дом на Кузнечном. С потрясающей силой Суворин описал увиденное там: как в кабинете писателя, на постеленной соломе, четыре человека обмывали тело покойного... (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 467–468). От А. И. Сувориной муж и домочадцы скрывали всё произошедшее в течение трех или четырех дней.

^{VI} *Славянский Кронид Федорович* (1847–1898) – знаменитый петербургский акушер и гинеколог, профессор Военно-медицинской академии (см.: Полный список адресов С.-Петербургских врачей 1884 года / Изд. А. Венцеля. СПб., 1884. С. 47).

^{VII} Первоначально мероприятия по открытию памятника А. С. Пушкину в Москве были приурочены ко дню рождения поэта и назначены на 25–26 мая 1880 г., однако в связи с кончиной императрицы Марии Александровны (жены Александра II), произошедшей 22 мая, и объявленным затем трауром торжества были перенесены на 5–8 июня.

^{VIII} Страстной женский монастырь находился в Земляном городе у ворот Белого города в Москве. В 1937 г. в ходе реконструкции ул. Горького (ныне Тверская ул.) и Пушкинской площади постройки Страстного монастыря, упраздненного в 1928 г., были снесены. На месте разрушенного монастыря ныне стоит памятник Пушкину, изначально установленный на противоположной стороне Страстной (ныне Пушкинской) площади и перенесенный на занимаемое ныне место в 1950 г.

^{IX} В первой публикации этой части воспоминаний А. И. Сувориной время начала панихиды в Страстном Успенском соборе прочтено публикатором неверно – «к 16 часам» (Достоевский и его время. С. 296).

^X В торжествах принимали участие дети поэта – Мария Александровна Гартунг (урожд. Пушкина, 1832–1919); генерал-лейтенант, командир Нарвского гусарского полка Александр Александрович Пушкин (1833–1914), статский советник Григорий

Александрович Пушкин (1835–1905), графиня Наталия Александровна Меренберг (урожд. Пушкина, по первому мужу Дубельт, 1836–1913).

^{XI} Имеется в виду чудотворная Страстная икона Божией Матери, относящаяся к иконописному типу *Одигитрия*. Свое название икона получила по причине изображения рядом с ликом Богородицы ангелов, держащих в руках орудия Страстей Христовых. В настоящее время находится в московской церкви Воскресения в Сокольниках.

^{XII} Ср. иное впечатление от А. А. Пушкина в воспоминаниях Александра Алексеевича Плещеева (сына поэта): «А. А. Пушкин <...> конечно, был здесь центром внимания присутствовавших на открытии памятника. Черты его лица, нос, скулы – для нас, запечатлевших в памяти портретное изображение поэта, казались оживленным повторением этих изображений. Было сходство с отцом, сходство родственное, сыновнее, представлявшееся удивительным» (*Плещеев А. А. Встречи с Ф. М. Достоевским // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников*. СПб., 1993. С. 233–234).

^{XIII} В этот день заупокойную обедню служил митрополит Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков, 1816–1882).

^{XIV} Ср. евангельские слова Христа: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12: 31–32; ср.: Мк. 3: 28–29; Лк. 12: 10).

^{XV} Подразумевается бесцензурная поэма А. С. Пушкина «Гавриилиада» (1821), трагестивировавшая евангельский сюжет Благовещения.

^{XVI} В 12 часов дня на Тверской площади началась торжественная церемония открытия памятника Пушкину. После освящения памятника и вручения Ф. П. Корниловым московскому городскому голове С. М. Третьякову акта о передаче памятника городу под звуки оркестра, управляемого Н. Г. Рубинштейном, «пала завеса», скрывавшая памятник, и «площадь дрогнула от потрясающих кликов „ура“, заглушавших звуки оркестра...» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 420).

^{XVII} Первое публичное заседание Общества любителей российской словесности открылось 7 июня в час дня в зале Благородного собрания в Охотном ряду (ныне Колонный зал Дома Союзов).

^{XVIII} Неточно: в 1880 г. Тургенев приехал из Парижа в Россию (Петербург) 28 янв., за четыре месяца до открытия памятника Пушкину.

^{XIX} Здесь и далее мемуаристка объединяет в единое целое события, которые проходили в разные дни Пушкинских торжеств. Тургенев и Достоевский читали стихи Пушкина не 7, а 6 июня, на литературно-музыкальном и драматическом вечере, устроенном Обществом любителей российской словесности также в зале Благородного собрания. В воспоминаниях Сувориной вкралась и другая ошибка: Тургенев читал в этот день не «Пророка», а стихотворения «Опять на родине» и «Туча»: «...он подошел к рампе и стал декламировать на память, и нельзя сказать, чтобы особенно искусно, „Последнюю тучу рассеянной бури“, но на третьем стихе запнулся, очевидно, его позабыв и, беспомощно разведя руками, остановился. Тогда из публики, с разных концов, ему стали подсказывать всё громче и громче. Он улыбнулся и сказал конец стихотворения вместе со всей залой» (*Кони А. Ф. Тургенев // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях*. М., 1989. С. 90). Стихотворение «Пророк» (вместе со «Сказкой о медведихе») читал Достоевский, причем не 6 или 7, а вечером 8 июня, уже после произнесения своей знаменитой Пушкинской речи.

^{XX} Неточная цитата из «Дворянского гнезда»; ср.: «Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини...» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1981. Соч. Т. 6. С. 158).

^{XI} Мемуаристка вновь объединяет Пушкинскую речь Достоевского, произнесенную 8 июня, с поэтическим чтением. На вечере 6 июня Достоевский читал монолог Пимена из «Бориса Годунова» (см.: *Леткова-Султанова Е. П.* О Достоевском: Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 452).

^{XII} Существует гипотеза, что решение упомянуть в этом контексте героиню «Дворянского гнезда» возникло у Достоевского далеко не сразу и чуть ли не в последний момент перед произнесением Речи. Один из мемуаристов передает этот эпизод следующим образом: «— Да, это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины, — воскликнул он. — Такой красоты (как в Татьяне Пушкина. — *Б. Т.*) положительный тип русской женщины уже и не повторялся в нашей литературе... — тут Достоевский точно задумался, потом, точно преодолевая себя, быстро: — кроме разве Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева...» (*Любимов Д. Н.* Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 416). Комментируя это свидетельство, И. Л. Волгин замечает: «Эта заминка (о которой говорит Д. Н. Любимов) находит точное документальное подтверждение. В дошедшей до нас рукописи Речи <...> слова, процитированные Любимовым, располагаются не в основном тексте, а отдельно, внизу страницы: они представляют позднейшую вставку. <...> Г. Успенский говорит, что Достоевский до своего выступления „смирнехонько“ сидел, притаившись возле эстрады и кафедры, записывая что-то в тетрадке. Не вносились ли исправления в текст до самого *последнего* момента? <...> Таким образом, упоминание Тургенева в Пушкинской речи — глубоко принципиально. Несмотря на личную неприязнь, автор Речи не может пойти против собственной совести: он старается соблюсти литературную справедливость» (*Волгин И. Л.* Последний год Достоевского: Исторические записки. М., 1986. С. 289–290).

^{XIII} Имеется в виду пушкинская «Сказка о медведихе» («Как весенней теплою порою...») (1830?). «Сказание о медведе и о том, как мужик убил его барыню-медведицу» Достоевский вспоминает и в произнесенной 7 июня Пушкинской речи. Также «Сказка о медведихе» упоминается в главе «Пушкин, Лермонтов, Некрасов» в декабрьском выпуске «Дневника писателя» 1877 г. (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 116). Подробнее об отношении писателя к этому произведению Пушкина см.: *Владимирцев В. П.* Пушкинское фольклорное слово в истолковании Достоевского: «Сказание о медведе, у которого убили медведицу» // Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура. Иркутск, 2007. С. 102–111.

^{XIV} Св. праведный Иоанн Кронштадтский (в миру Иван Ильич Сергиев, 1829–1908) — священник, митрофорный протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный деятель охранительного направления.

^{XV} Имеется в виду популярный московский трактир (ресторан), открытый в 1868 г. купцами братьями И. И. и В. И. Тестовыми на Воскресенской площади (ныне пл. Революции, № 1). И. Л. Волгин ставит под сомнение это свидетельство мемуаристки, замечая: «...есть все основания полагать, что это происходило не 9-го, а 4 июня, причем из указанных А. И. Сувориной лиц присутствовали лишь Суворин, Григорович и Буренин» (*Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 551, примеч.). Действи-

тельно, подробно описывая свое пребывание в Москве в письмах к жене, Достоевский сообщал 5 июня 1880 г.: «...вчера утром я, Суворин, его жена, Буренин и Григорович были в Кремле. <...> Всё осмотрев, зашли в трактир Тестова закусить и остались обедать» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 30, кн. 1. С. 179–180). Однако Достоевский в эти дни бывал у Тестова неоднократно (см.: Там же. С. 172), так что *обед* 4 июня не исключает и *завтрака*, в другом, более широком составе, 9 июня.

^{XXVI} *Максимов Сергей Васильевич* (1831–1901) – очеркист, этнограф, мемуарист, путешественник. Автор книги «Сибирь и каторга» (СПб., 1871); *Берг Николай Васильевич* (1823–1884) – поэт-переводчик, журналист, историк. Об И. Ф. Горбунове см. примеч. XXVIII.

^{XXVII} *И снова прочесть «Давида Копперфильда»...* – О том, что «Диккенс печатает новый роман: „Записки Давида Коперфильда“. Ждут окончания, чтобы перевести», сообщая брату последние литературные новости, писал 10 сент. 1849 г. в Петропавловскую крепость М. М. Достоевский. По свидетельству П. К. Мартынова, «Давида Копперфильда» Достоевский читал в годы пребывания на каторге, в омском госпитале (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 340). Можно предположить, что это было издание: Давид Копперфильд *Чарльза Диккенса* / Пер. И. И. Введенского. СПб.: тип. Косневила, 1853. Ч. 1–4 (Галерея избранных английских писателей).

^{XXVIII} ...*мой кум, Ив<ан> Фед<орович> Горбунов...* – *Горбунов И. Ф.* (1831–1896) – прозаик, актер, зачинатель литературно-сценического жанра устного рассказа. Был крестным отцом сына Сувориных Бориса (1879–1940).

^{XXIX} ...*Арди, В<ладимир> Н<иколаевич> Давыдов, Свободин[?], Сазонов, Стрететова...* – *Нечаев Николай Иванович* (сцен. псевд.: *Арди*), *Давыдов Владимир Николаевич* (наст. имя и фам.: Иван Николаевич Горелов, 1849–1925), *Николай Федорович Сазонов* (1843–1903), *Стрететова Полина Антительвна* (1850–1903) – артисты Александринского театра в Петербурге. Упоминание в этом ряду Павла Матвеевича Свободина (наст. фам.: Козиенко, 1850–1892), по-видимому, является ошибкой памяти мемуаристки: в 1877–1884 г. этот актер играл не в Петербурге, а в провинции и на сценах московских театров.

^{XXX} ...*из оперы Ив<ан> Алекс<еевич> Мельников, Лавровская, Леонова...* – *Мельников Иван Алексеевич* (1832–1906), *Лавровская Елизавета Андреевна* (по мужу княгиня Цертелева, 1845–1919), *Леонова Дарья Михайловна* (1829–1896) – знаменитые оперные певцы из труппы Мариинского театра.

^{XXXI} *Крамской Иван Николаевич* (1837–1887) – один из наиболее крупных живописцев эпохи; пользовался в эти годы материальной поддержкой А. С. Суворина. Широко известен живописный портрет Суворина кисти Крамского, выполненный в 1881 г. (хранится в Государственном Русском музее в Петербурге, куда поступил в 1918 г. из библиотеки А. С. Суворина).

^{XXXII} *Маковский Константин Егорович* (1839–1915) – исторический живописец, портретист и жанрист, мастер внешне эффектных произведений, трактованных в духе салонного академизма; организационно примыкал к Товариществу передвижных художественных выставок. Существовал большой портрет А. С. Суворина работы К. Е. Маковского. О нем упоминает А. В. Амфитеатров в своих некрологических воспоминаниях об А. И. Суворини (см.: Возрождение. 1936. 26 апр. (№ 3980). С. 8). Ныне местонахождение этого портрета неизвестно.

^{XXXIII} Генерал-майор *Дятлатин*, старый аракчеевский служака, дающий свои оценки любому политическому или общественному событию в России, – пародийный персон

наж серии юмористических рассказов И. Ф. Горбунова («Речь на обеде в честь Тургенева», «Речь, сказанная генерал-майором Дитятиным при освещении театральной залы...») и др.; см.: *Горбунов И. Ф.* Избранное. М.; Л., 1965. С. 341–345). Как актер Горбунов в разных аудиториях под неизменный хохот публики часто произносил импровизированные спичи от лица своего персонажа.

^{XXXIV} Текст «Романса» на слова А. С. Пушкина изменен в пародийных целях. Ср.: «Под вечер осенью ненастной / В пустынных дева шла местах / И тайный плод любви несчастной / Держала в трепетных руках» (*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. С. 317).

^{XXXV} Имеется в виду литературный вечер, состоявшийся 16 марта 1879 г. в зале Благородного собрания, расположенного в доме купца С. П. Елисеева на Невском проспекте (совр. № 15). Подробнее об этом вечере см.: *Тихомиров Б. Н.* Достоевский на Кузнецком: Даты. События. Люди. СПб., 2012. С. 171–175.

^{XXXVI} Мемуаристка допускает ошибку, называя рассказ Тургенева «Стучит». О выступлении Тургенева на этом вечере оставила воспоминания его «партнерша» М. Г. Савина: «Появление Ивана Сергеевича в первом отделении было встречено овацией – и он долго не мог начать читать. Он прочел „Бирюка“. Читал Тургенев вообще плохо, а тут еще волновался. Наш „номер“ (то есть сцены из „Провинциалки“) был во втором отделении...» (И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 383–384).

^{XXXVII} Суммируя воспоминания других очевидцев этого литературного вечера, можно утверждать, что Достоевский читал по рукописи или по корректурам две главы (скорее всего, с выпусками) из книги третьей «Братьев Карамазовых» – «Сладострастники», к тому времени еще не напечатанной, – «Исповедь горячего сердца» («В стихах» и «В анекдотах»).

^{XXXVIII} Ср.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 106.

^{XXXIX} В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Суворины жили на Невском проспекте, в доме генерал-майора И. И. Ростовцева (совр. № 45/2, угол ул. Рубинштейна).

^{XL} Этот домашний спектакль состоялся 29 февр. 1880 г. (см. запись под указанной датой в дневнике С. И. Смирновой-Сазоновой: *Достоевский: Материалы и исследования.* Т. 4. С. 275–276).

^{XLI} *Карабчевский Николай Платонович* (1851–1925) – присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты, судебный оратор, писатель, поэт, общественный деятель. О нем см.: *Ратгауз М. Г.* Карабчевский Николай Платонович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь:* В 6 т. М., 1992. Т. 2. С. 465–466.

^{XLII} *Крамская Софья Николаевна* (урожд. Прохорова, 1840–1919) – с 1863 г. жена художника. См. выразительный живописный портрет С. Н. Крамской кисти мужа, названный «За чтением» (1867–1869; хранится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее).

^{XLIII} *Коломнина Александра Алексеевна* (урожд. Суворина, 1858–1885) – падчерица мемуаристки, дочь А. С. Суворина от первого брака с Анной Ивановной Барановой.

^{XLIV} О В. П. Буренине см.: *Лепехин М. П., Рейтблат А. И.* Буренин Виктор Петрович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 1. С. 365–367.

^{XLV} Имеются в виду заглавные персонажи водевиля Д. Т. Ленского «Простушка и воспитанная» (1855), в котором возвращенной «воспитанной» героине противопоставлена деревенская «простушка», сохранившая естественность и безыскусственность поведения.

^{XLVI} Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – зоолог, профессор С.-Петербургского университета, писатель, печатавшийся под псевдонимом *Кот Мурлыка*. О нем см.: Мильдон В. И. Вагнер Николай Петрович // Там же. С. 385–386.

^{XLVII} В июне 1859 г. Я. П. Полонский упал с дрожек и повредил ногу. Две тяжелые операции не принесли ему полного выздоровления, и поэт всю оставшуюся жизнь пользовался костылями, а в последние годы был почти неподвижен.

^{XLVIII} Этот визит А. С. Суворина к Достоевскому, имевший место 20 февр. 1880 г., в день покушения Ипполита Млодецкого на начальника Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова, и состоявшийся между ними разговор о политическом терроризме и о планах продолжения романа «Братья Карамазовы» Суворин подробно описал в своем дневнике в 1889 г. (см.: *Суворин А. С. Дневник*. М., 1992. С. 15–16).